

Мортальный мотив в творчестве И. Во и Дж. Барнса: сопоставление нарративных стратегий

Mortal Motive In E. Waugh's And J. Barnes's Creative Works: Comparison Of Narrative Strategies

Хорольский В.В.

Д-р филол. наук, профессор, Воронежский государственный университет
e-mail: khorolbox@mail.ru

Khorolsky V.V.

Doctor of Philological Sciences, Professor, Voronezh State University
e-mail: khorolbox@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена проблема экспликации мотива смерти в творчестве И. Во и Дж. Барнса, мало изученная в отечественной англистике. Мотивы смерти и умирания важны для понимания эволюции мировой литературы, их трактовка зависит от культурных традиций, от позиций автора-повествователя. Сравнение стиля И. Во и Дж. Барнса показало сходство и различие манер двух иронистов, пишущих о неизбежности ухода из этого мира. Сделаны выводы о значимости компаративного рассмотрения мотивов смерти и захоронения в контексте философских размышлений писателей о смысле жизни.

Ключевые слова: нарратив, стиль, мортальный мотив, смерть, автор-повествователь, нарратор.

Abstract

The article deals with the seldom discussed problem of death topic exposition in E. Waugh's and J. Barnes's creative works. Death and dying motives are relevant for the comprehension of world literature evolution, their interpretation depending on cultural traditions, narrator's attitude etc. Comparison of Waugh's and Barnes's stylistic manners showed similarities and differences of two masters of irony discussing unavoidable retirement from this world. The conclusions are made about the importance of comparative study of death and dying motives and their exposition in the context of philosophic meditations about Life's meaning and gist.

Keywords: narration, style, mortal motive, death, story-teller, narrator.

Вступление

Смерть, как и любовь, считается одной из доминирующих тем мировой литературы. Анализ чувств умирающих и их родственников, изображение процесса умирания и захоронения, сцены насильственной смерти – всё это константы литературы прошлого и настоящего о труднодостижимом и «неизглаголемом» (А. Блок) феномене. Мотив умирания и образ похорон, важный в системе образов названных писателей, позволяют судить о философской подоплеке их нарративов. Обращение к данному «мортальному сюжету» [2; 4; 6:83-91] всегда актуально, и попытки новых интерпретаций и ре-интерпретаций не делают вековые мотивы устаревшими.

Трактовка темы смерти в мировой литературе нередко приближалась к «сотериологии», к идее спасения души и загробной жизни, к поискам путей лёгкого прощания с этим миром [5:25-31; 6:90]. Восточная мысль более настойчиво, чем западная, изучает категорию «реинкарнации», перерождения и вечного круговорота человеческих душ. В западной культурософии чаще встречается «черный юмор» как выражение притягательного неизбежного.

Сравнение стилевых манер разных авторов целесообразно с точки зрения установления доминант стиля эпохи. **Цель** данного исследования – сопоставить взгляды, мортальные мотивы

и образы двух английских авторов – Ивлины Во (1903-1966) и Джулиана Барнса (род. В 1946 г.), сделав упор на сходстве и различии их повествовательных стратегий. Учитывая возможные несовпадения позиций биографического автора и рассказчика-нарратора, целесообразно эстетическое и логико-семантическое рассмотрение произведений, особенно повести «Незабвенная» (1948) И. Во и «Нечего бояться» Дж. Барнса, соединить с выделением и анализом иронического модуса повествования как базового стилистового регистра в названных художественных текстах (ХТ). Будучи стержнем стиля этих авторов, ирония в ХТ позволяет «фокализовать» и маркировать язык нарратива, что актуально для понимания стиля эпохи и общих закономерностей эволюции модерна и постмодерна в искусстве слова.

Иронический подход к страшному: стиль И. Во и Дж. Барнса

Выдающийся западный писатель-сатирик Ивлин Во в конце 1940-х годов был озабочен критикой американского образа жизни, лицемерного «гигиенического Эдема». Его повесть «Незабвенная», имеющая сардонический подзаголовок «англо-американская трагедия», посвящена сатирическому изображению двух похоронных бюро – «Угодий лучшего мира», так называемого «собачьего кладбища», где работает главный герой, англичанин Деннис Барлоу, и «Шелестящего дола», комплекса-кладбища для захоронения людей. Поэт-неудачник Д. Барлоу «принадлежал к поколению, которое смакует чужую близость со смертью» [3: 548]. Он приходит в «Шелестящий дол», чтобы похоронить повесившегося англичанина Фрэнсиса Хинзли, хозяина квартиры, где жил молодой человек.

Сэр Фрэнсис висел на подтяжках. Как замечает автор-повествователь, «зрелище было грубое и ошеломляющее», но главный герой истории «испытывал только любопытство и приятное возбуждение». Механическое существование в заорганизованном обществе, как показывает И. Во, притупляет восприятие трагедии существования, и это не исключение в обществе, где ритм погони за успехом не позволяет людям осознать ценность жизни, ее смысл. Нарратив о смерти отдельных людей перерастает в «события рассказывания» в философическую притчу, делающую детали сюжета символическими.

Мертвящая атмосфера благообразного сообщества «моргпроводниц» и декораторов трупов служит в нарративе И. Во символом-индикатором всей американской жизни. На жизнь многих персонажей повести «Незабвенная» отбрасывает тень «фабрика грёз», Голливуд, где они подрабатывают, ожидая удачи. Голливуд, откуда выгнали сэра Фрэнсиса, выступает символом конвейера иллюзий и симулякров, трагических разочарований, но не антитезой кладбищу. В помпезном заведении – приюте Усопших – моргпроводницы и мастера-«бальзамировщики», по словам писателя, приводят Незабвенного «в божеский вид». Иронические интонации в нарративе И. Во очевидны. Вот слова работницы Эдема, успокаивающей Денниса, испуганного видом трупа: *«В прошлом месяце к нам поступил Незабвенный, который утонул. Труп его целый месяц находился в океане и был опознан только по ручным часам. Наши так обработали этого жмурика, - сказала моргпроводница, головокружительно спадая с высот стиля, которого она до сих пор строго придерживалась, - что он у нас стал ровно жених. Уж что-то, а дело свое они тут знают. Да что там, если б он на атомной бомбе верхом сидел, и то бы они его в божеский вид привели»* [3:568]. Контраст возвышенных слов и сниженной лексики показывает склонность нарратора-ирониста к насмешке над Приютом Успокоения с помощью приема языковой игры, характерной приметой модернистской и постмодернистской эстетики. Вот еще её пример: *«Упокоение останков у нас обычно производится путем обычной погребизации, погребизации с памятником, урнизации с урной и муризации в стене, однако в последнее время многие стали предпочитать саркофагизацию»* [3:567]. Подобное нагнетание существительных, претендующих на научность, создает комический эффект, усиливая авторскую насмешку над волапоком заведения, также оттеняющим абсурдность рекламно-претенциозных номинаций. Трагифарс усиливается в сцене самоубийства девушки Эме из «Шелестящего дола». Нарратор подробно говорит о том, что Эме полюбила Денниса, когда уже была готова выйти замуж за своего начальника Джойбоя, который хорошо знал тонкости декоративного мастерства в работе с трупами. Джойбой уже познакомил девушку с матерью, герои заключили соглашение о скором браке, но любовь зла. Эме, будучи доверчивой и

наивной девушкой, под влиянием пьяного «радиогуру» Хлама, который посоветовал ей по телефону прыгнуть с крыши, сделала, впав в депрессию, себе укол цианистого калия. Джойбой и Деннис сжигают ее труп в печи «Угодий лучшего мира», выдав Эме за умершую овцу. Согласно правилам заведения, «еще год мистер Джойбой будет получать почтовую карточку: «Твоя маленькая Эме виляет сегодня хвостиком на небесах, вспоминая о тебе». Гротескные образы у Дж. Барнса встречаются реже, хотя он, как и Во, может быть назван писателем-пересмешником, видящем в феномене смерти и страшное, и смешное.

Дж. Барнс представляет более позднюю стадию развития неомодернизма, иное проявление иронического модуса мортальной наррации. Извечную танатологическую проблематику Барнс раскрывает в форме документальных и квази-документальных зарисовок, созданных в 2005-2007 гг. Как и И. Во, Дж. Барнс иронически трактует мотивы смерти и умирания, опираясь на известные ему случаи, прежде всего – на семейную историю. Он пытается адаптироваться к ужасному, уповая на неизбежность нашего ухода из этого мира. В книге «Нечего бояться», как и в статьях, изданных в России («Письма из Лондона»), стиль автора может быть определен как «тотальная ирония», как проявление постмодернистской «геймификации». Как писатель, близкий к канонам постмодернистских нарративов, Барнс в эссеистическом жанре широко использует чужую цитату, чужое слово о смерти каждого из нас (Монтень, Ф. Ларкин и др.). Рассмотрим отрывок из книги «Нечего бояться»:

«В похоронном бюро я несколько раз дотронулся до ее щеки, затем поцеловал в волосы. Она была такой холодной, потому что выехала из морозильника или потому что все покойники естественным образом холодные?... С макияжем не переборзили, и ей было бы приятно знать, что волосы элегантно уложены. («Разумеется, я никогда их не красила, — однажды хвасталась она невестке. — Это мой природный цвет») ...пора было и попрощаться, несмотря на все мое долгое раздражение, с ней связанное. «Молодец, мама», — сказал я тихо. Она действительно разобралась с «умиранием» лучше, чем отец. Он перенес серию ударов, его уход растянулся на несколько лет; она проделала путь от первого криза до смерти эффективнее и быстрее» [1:9].

На первый взгляд, смерть престарелой матери, с которой жизнь складывалась у писателя нелегко, не вызывает у рассказчика глубоких эмоций. Можно его даже упрекнуть в бытовом цинизме. Он думает о пустяках (*После ее кремации я забрал диск Моцарта у «органиста», который, я вдруг подумал, теперь получает полное жалование за то, что ставит запись с компакт-диска*), повествует о похоронах, используя сниженно-просторечную лексику (*С макияжем не переборзили, разобралась с «умиранием» лучше, чем отец*) [1:12], но образ «непочтой бутылки шерри», найденный в вещах матери, меняет тон повествования. Герой прозревает истину, личные вещи покойной заставляют нарратора пересмотреть свое отношение к ней. Он изучил содержимое «маминой сумочки», задумался об утрате, о суе бытовых ссор, с запозданием понял, как любил эту женщину и не успел ей об этом сказать. В отличие от И. Во Барнс пишет в регистре возвышенного воспоминания, сочетая иронию и элегический модус наррации. Он вспоминает похороны отца, когда мать была еще жива: *«Как плохо, сказала она, что он так и не поносил большие коричневые тапки на липучке, которые она ему купила месяц назад; незаметно от меня она унесла их домой. Она пришла в ужас, когда ей предложили взглянуть на папино тело» [1:10].* Мелочь (неношенные тапки), приобретая характер символа, выводит повествование на уровень художественной генерализации, превращающей быт в бытие. Событие рассказывания является одним из главнейших в структуре повествования двух авторов: И. Во повествует об уходе персонажей с большей долей отстранения, Барнс более сентиментален, но оба они учат смотреть смерти в лицо без истерики и мучений.

Заключение

Рассмотрение мотивов смерти и умирания в творчестве английских авторов позволяет сделать следующие выводы:

1. Стиль в рассмотренных ХТ многим обязан иронии, хотя у Дж. Барнса чаще наблюдается имплицитная ирония, а не открытый сарказм. Событие рассказывания у обоих авторов принципиально важно, как модель создания романа: оно зависит от позиции нарратора по

отношению к ключевому событию в жизни каждого из нас. Позиции авторов в рассмотренных ХТ в целом совпадают, но бросается в глаза более интенсивная вовлеченность Дж. Барнса в игру с читателем, который тоже, как и нарратор, становится объектом насмешки (игра в игру).

2. Сопоставление жанрово-стилевых и нарративных стратегий в рассмотренных ХТ показало, что своеобразие стиля у обоих обусловлено законом неразрывности и неслиянности голосов авторов и героев. Перспективным представляется рассмотрение мотивов смерти в творчестве Дж. Барнса, который написал не только биографическое творение «Нечего бояться», но и целый ряд романов, где рассмотренные мотивы крайне важны. Результаты анализа мотива смерти свидетельствуют о близости авторов к смеховой традиции в мировой литературе, что делает метод сопоставления востребованным.

3. Сравнение стилиевых регистров авторов-повествователей в «Незабвенной» и в «Нечего бояться» убеждает в перспективности сопоставления моральных мотивов в творчестве западных и русских авторов.

Литература

1. Барнс Дж. Нечего бояться. – М.: Эксмо, 2012. – 384 с.
2. Блинова М.П. Мортальный сюжет в нравственно-философском пространстве малой постмодернистской прозы: (русский и зарубежный опыт): автореф. дис. ... канд. филол. наук, Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – 25 с.
3. Во И. Мерзкая плоть. Возвращение в Брайдсхед. Незабвенная. – М.1984. – 570 с.
4. Кузнецова В.В. Превращения смерти (по страницам повести Ивлиной Во «Незабвенная») // Фигуры Танатоса: Символы смерти в культуре. – СПб., 1991. – Вып. 1. – С. 135-141.
5. Слепокуров А.А. Непостижимость смерти как этико-философская проблема / А.А. Слепокуров // Культурология. Пересечение научных сфер. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 25-31.
6. Хорольский В.В. Мотивы умирания и смерти в западной литературе и публицистике новейшего времени (на материале произведений Дж. Барнса и Ф. Бегбедера) // Былое и мы. Сб. научных статей. – Воронеж, 2020. – С.83-91.